

Локальное измерение безопасности

Забываясь об обороне, но сокращая поддержку гражданского общества, Европа ослабляет основу, от которой зависят надежные партнерства

Первоначально сокращение помощи отражается в виде цифр в бюджетах доноров. Впоследствии мы видим закрытые программы, уволенных полевых работников, ослабленные местные организации, упраздненные мониторинговые визиты и общины, активность которых почти не видна. К моменту, когда политические последствия сокращений становятся очевидными, внимание медиа уже приковано к другим темам, а значительная часть инфраструктуры, которой был нанесен вред, прекратила существование.

В 2025 году объемы официальной гуманитарной помощи резко сократились, что явилось самым большим годовым спадом за всю историю наблюдений. Финансирование, поддержка наименее развитых стран и двусторонняя помощь странам Африки, к югу от Сахары, получили серьезный удар. Эти цифры часто считаются фискальными коррективами, геополитическими перераспределениями или симптомами внутреннего давления в странах-донорах.

На самом деле проблема не только в том, что от более богатых стран в бедные поступает меньше денег. Дело в том, что в эпоху перекрестных кризисов доноры ослабляют именно те местные связи, которые делают общества ясными, ответственными и устойчивыми.

Проблема заключается не только в закрытии семинара, потере отчета или отмене обучения. Это ослабление возможности общества понимать

В этом есть противоречие. Европа все чаще говорит на языке безопасности, устойчивости и ответственности. Европейцы инвестируют в оборону, энергетическую безопасность, управление границами и готовность к кризису. Однако если страны сокращают местные общественные сети, помогающие обществам выявлять случаи социального отчуждения, следить за

себя.

соблюдением прав человека и поддерживать доверие, то они ослабляют более глубокие основы безопасности, которые стремятся защищать.

Сотрудничество в области развития часто представляют как передачу ресурсов: денег, экспертных знаний, обучения, услуг, проектов. Отчасти так оно и есть. Но в лучших условиях такое сотрудничество поддерживает гражданскую инфраструктуру, то есть местные организации, сети доверия и механизмы подотчетности, благодаря которым люди становятся заметными друг для друга и для государства.

Особенно это касается организаций людей с особыми потребностями.

Во время работы в сфере международной инклюзии и поддержки гражданского общества, в частности в сотрудничестве с партнерами в Восточной Африке, я понял, что местная организация, которая занимается вопросами особых потребностей, – это не просто получатель грантов или исполнитель проектов. Часто это один из самых точных инструментов общества для выявления людей, которых официальные системы просто не замечают.

Местная организация может знать, кто из детей не посещает школу, кто из женщин с особыми потребностями скрывается, потому что общество стигматизирует их состояние, до кого не добралась гуманитарная помощь, какие медицинские услуги не доступны, кто из местных чиновников прислушивается к людям или какие права существуют только на бумаге. Она может знать, где транспорт теоретический, где данные обманывают, а где обещали помочь, но руки не дошли.

Когда такая организация теряет финансирование, проблема заключается не только в закрытии семинара, потере отчета или отмене обучения. Она означает ослабление возможности общества понимать себя.

Обеспечение функционирования демократии

Если дискуссия о сокращении помощи сосредотачивается только на объемах, то фокус ее внимания сужается. Вопрос состоит не просто в том, сколько средств тратится на помощь, а в том, какие социальные

и демократические возможности исчезают, когда предоставление определенных форм поддержки прекращается.

Гражданское общество на низовом уровне часто выполняет работу, которую сложно оценить, ведь она нередко предотвращает «невидимость», а не создает громкие события. Оно также переводит права на местный язык, препятствует вредным нормам, обращается к людям, не доверяющим властям, помогает общинам формулировать требования, предоставляет предупреждения, которые пропускают официальные системы, и превращает страдания отдельных людей в публичную информацию.

Это не «мягкая» сила, а обеспечение функционирования демократии.

Европа не должна путать оборону с глубинной безопасностью. Военная готовность, контроль границ и энергетическая устойчивость могут стать необходимыми в мире, который становится все более опасным. Но общество безопасно не только потому, что его государство способно защищать территорию. Оно безопасно, когда люди не остаются без поддержки со стороны институтов и связей, которые делают общественную жизнь возможной.

*Безопасность
ослабляется, когда
доноры отказываются
от сотрудничества с
небольшими местными
организациями в пользу
больших, более удобных с
административной
точки зрения каналов*

Сокращение финансирования гражданской инфраструктуры ослабляет данную глубинную безопасность. Это создает условия, при которых группы населения, чувствующие себя отчужденными, могут и дальше оставаться незамеченными для тех, кто разрабатывает политику, правительства могут заявлять об инклюзивности без подтверждений, коррупция и злоупотребления могут оставаться без наказания, а международные деятели могут считать, что программа охватила всю общину, хотя на самом деле она коснулась только ее наиболее заметной части.

Конечно, все это не означает, что программы помощи должны оставаться без изменений. Сотрудничество в сфере развития заслуживает тщательного анализа. Доноры должны задавать неудобные вопросы относительно эффективности, зависимости, бюрократии и местной ответственности. Но сокращение поддержки без понимания общественных функций, которые она поддерживает, – это не реформа. Это институциональная амнезия.

Безопасность ослабляется, когда доноры отказываются от сотрудничества с небольшими местными организациями в пользу более крупных, более удобных с административной точки зрения каналов. Мощные деятели играют свою роль, особенно в гуманитарных операциях и работе на системном уровне. Но они не могут заменить знания, которыми владеют организации, глубоко укоренившиеся в общинах, языках, вопросах потребностей, гендерных отношений, неформальных сетей и местной истории.

Национальная база данных только указывает, что в определенной местности проживают люди с особыми потребностями. А вот почему они не приходят на встречи, почему женщина не появилась в клинике, почему семья прячет ребенка, почему денежный перевод не доходит до адресата или почему государственная услуга формально доступна, но практически ею нельзя воспользоваться, может знать только местная организация.

Все это особенно важно во время кризисов. Климатические угрозы, конфликты, перемещение лиц, чрезвычайные ситуации в сфере здравоохранения и экономическая нестабильность не влияют на общества в равной степени. Они распространяются из-за существующих неравенств. Люди, которые уже находятся вне данных, услуг и процессов принятия решений, часто являются первыми, кого не замечают, и последними, кого учитывают. Местное гражданское общество – одна из немногих систем, которая может заметить ситуацию, прежде чем она превратится в катастрофу.

Именно поэтому инклюзию людей с особыми потребностями не следует рассматривать только как требование соответствия определенным стандартам. На самом деле это способ проверить, действительно ли сотрудничество в сфере развития охватывает тех, кого существующие системы чаще всего оставляют без внимания. Если программа не способна привлечь людей с особыми потребностями, то это часто указывает на наличие более серьезных проблем: недопонимание потребностей общины, недоступность коммуникаций, слабую подотчетность, концентрацию власти в руках элит или нереалистичные представления о том, кто на деле может участвовать в жизни общины.

*Если Европа стремится
выстроить надежные
партнерства в
поляризованном мире,
она должна признать,*

В этом смысле организация людей с особыми потребностями – часть испытания демократии на последнем этапе. Они показывают, действительно ли права, услуги и публичные обещания доходят до тех, кого легче всего оставить без внимания.

*что демократическая
устойчивость
формируется на
местном уровне
постепенно, настойчиво
и через взаимодействие
между людьми.*

Вывод для политики очевиден. Если доноры решили сокращать бюджеты, то не должны слепо урезать финансирование гражданского общества. Они должны защищать небольшую, но стратегически важную поддержку общественных организаций, в том числе организаций людей с особыми потребностями, женских групп и других местных деятелей. Они должны финансировать развитие основных потенциалов, а не только краткосрочные проекты, а также рассматривать мониторинговые визиты, работу с общинами, обеспечение доступности и местную подотчетность как способствующие устойчивости функции, а не как очередной пункт расходов.

Они также должны противостоять соблазну оценивать эффективность исключительно по размеру гранта, удобству отчетности или скорости выделения средств. Небольшой грант, предоставленный местной организации, может принести знания, которые масштабная программа просто не в состоянии предоставить. Взаимоотношения с общиной, строившиеся годами, могут стать решающими, когда официальные системы дают сбой. Если доверие утрачено, восстановить его сложно.

Для европейских доноров это не благотворительность. Это – стратегический реализм.

Если Европа стремится построить надежные партнерства в поляризованном мире, она должна признать, что демократическая устойчивость формируется на местном уровне постепенно, настойчиво и через взаимодействие между людьми. Ее невозможно «включить» в кризис, если в предыдущие годы финансирование прекратилось.

Вопрос не в том, сможет ли Европа позволить себе поддержку гражданского общества во время кризиса. Оно состоит в том, сможет ли Европа позволить себе окунуться в еще более глубокие кризисы, когда все меньше людей способны увидеть, кого оставляют без внимания.

Ласси Мурто

Ласси Мурто (Lassi Murto) – финский специалист в области международного развития, защитник прав людей с особыми потребностями и эксперт по гражданскому обществу. На должности советника по программным и тематическим вопросам фонда Abilis он сотрудничает с организациями, управляющими людьми с особыми потребностями, и сосредотачивается на инклюзивном развитии, кризисоустойчивости и взаимосвязи между гуманитарной помощью, развитием и миром, отвечая за работу в Уганде и Эфиопии. Мурто также возглавляет организацию SMA Finland и активно участвует в защите прав людей с редкими заболеваниями и особыми потребностями на европейском уровне. Он пишет как частное лицо.

